

АГЕНТ
ГРУ

Михаил
ЛЮБИМОВ

**С БОМБОЙ
В ПОСТЕЛИ**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Любимов, Михаил Петрович.

Л93 С бомбой в постели / Михаил Любимов. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Агент ГРУ. Триллер,
написанный военным разведчиком).

ISBN 978-5-04-092221-5

Две сильнейшие мировые разведки, советская и английская, незримо сражаются на дипломатическом поприще в Лондоне. В ход идут любые средства: прослушка, наружное наблюдение, шантаж, провокации... Внимание англичан привлекает торговый представитель советского посольства Игорь Воробьев. Нерешительный, слабый духом, ведущий аморальный образ жизни, он как нельзя лучше подходит на роль перспективного агента. Но наша резидентура своевременно раскрывает план предстоящей вербовки. Разведчики вырывают из лап противника незадачливого Воробьева и спешат переправить его самолетом в СССР. Однако в аэропорту разыгрывается драма, предугадать которую было невозможно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092221-5

© Любимов М.П., 2018
© Оформление.
000 «Издательство «Э», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как ни комично, но любовь и разведка, в отличие от гения и злодейства, вполне совместны и соседствуют под одним балдахинном. История человечества начинается именно с этого: Ева соблазняет (вербует) Адама, за что Господь изгоняет их из рая, а нам, беднягам, до сих пор приходится тяжело платить за это жуткое грехопадение. Далее все в том же ключе: сподвижник Моисея Иисус Навин засылает блудницу Раав в осажденный Иерихон, и она открывает ворота его войску. Иерихон завоеван, триумф Навина! Самсон в любовных утехах сообщает возлюбленной Далиле, что вся его немислимая сила — в волосах, она вероломно их отрезает и передает потерявшего бдительность гиганта в плен филистимлянам, Прекрасная Саломея просит царя Ирода умертвить Иоанна Крестителя, и вскоре ей приносят на блюде его голову.

Эти библейские истории проходят через всю историю человечества. Много шума наделала Мата Хари, но в девятнадцатом веке русская княгиня, жена нашего посла в Англии Дарья Ливен (Бенкендорф) имела дружеские/близкие отношения с министром иностранных дел Англии Каннингом и с центральной фигурой Священного Союза канцлером Меттернихом, очаровала министра иностранных дел Франции Франсуа Гизо и докладывала полученную от них информацию самому царю. Это вам не сведения, полученные проституткой Матой от офицеров! А кто помнит подвиги наших героических женщин Мазаник и Осиповой, подложивших в Минске бомбу в постель фашистского гаулейтера фон Кубе?

На мой взгляд, холодная война началась сразу же после Октябрьской революции, бросившей вызов капиталистам всего мира. Нашим национальным гимном был Интернационал, «весь мир насилия мы разрушим до основания...» пели мы, и даже после запрета Коминтерна и смерти Сталина были уверены в победе нашего социализма над капитализмом. Вряд ли такая перспектива устраивала капиталистический Запад, где после войны резко возросло влияние коммунистических партий. Советский Союз стремился избавиться от международной изоляции и укрепить отношения с Западом, разведки же продолжали тайную войну.

Все спецслужбы имеют триумфы и фиаско.

Английская разведка блестяще осуществила дезинформацию немцев относительно места высадки своих войск в Сицилии, подбросив им труп своего офицера с депешей о месте высадки (ложном). Англичанам удалось дешифровать немецкие коды (знаменитая Энигма), и это сыграло важную роль во Второй мировой войне.

Фашистская разведка не была лыком шита: накануне вторжения в Бельгию немцы разослали соответствующую депешу, однако курьеры, призванные доставить оную в войска, по разгильдяйству приземлились в Бельгии и были арестованы. Сначала Гитлер решил отменить наступление, но потом решил иначе. Немецкая разведка пустила слух, что наступление произойдет в другом месте, но на самом деле план решили не менять. Союзники были уверены, что немцы изменят ставший известным план, но ошиблись — немцы двинули войска и победили под Дюнкерком.

Американская разведка появилась только во время Второй мировой, но уже начала активные поиски сепаратного мира, впрочем, безуспешные. Зато ЦРУ отличилось в тайных операциях — борьба с коммунистами в Италии и Франции, вторжение в Гватемалу и потом в Никарагуа, переворот

в Чили. Этот опыт с переменным успехом использован на Ближнем Востоке, на Украине. ЦРУ часто совершает промахи, но действует системно и целеустремленно (вкуче с госдепартаментом).

Французская разведка особо себя не зарекомендовала, а вот израильский Моссад прославился острыми операциями (похитил и предал суду военного преступника Эйхмана, освободил заложников в аэропорту Энтеббе).

Советская разведка отличалась важной особенностью: она всегда опиралась на мировое коммунистическое движение и его фанатичных симпатантов. Эта среда всегда являлась ценнейшим подспорьем для вербовки агентуры. На первых порах основные усилия направлялись против белогвардейских организаций, действующих за рубежом (вплоть до похищения генералов Кутепова и Миллера), но постепенно удалось завоевать серьезные позиции внутри западных стран. Общеизвестны имена Кима Филби и всей «кембриджской пятерки», проникновение в американский истеблишмент, не говоря о ФРГ (дело Фельфе и др.). Главным историческим достижением нашей разведки является получение материалов об атомной бомбе, что позволило быстро достичь ядерного паритета с США.

Медовые ловушки никогда не являлись главным оружием разведок, но в них порою оказывались соблазненные господа и товарищи. В 50-х первый секретарь посольства США в Москве Аннабелла Бюкар влюбилась в солиста театра оперетты (агента КГБ), попросила у нас политического убежища, благополучно вышла замуж и написала книгу «Правда об американских дипломатах». Заместитель представителя СССР в ООН Аркадий Шевченко тоже влюбился в американку и попросил убежища в США, однако не женился, ибо она оказалась не только агентом ФБР, но и проституткой. Медовые ловушки активно использовала восточногерманская разведка, небезу-

спешно подсылая своих нелегалов к секретаршам министров правительства ФРГ.

В этой книге, основанной на реальных историях, собраны «веселые картинки» холодной войны, которая, увы, ныне продолжается в иных, порой своеобразных, формах.

Автор пытался заглянуть в души разведчиков (и контрразведчиков) противоборствующих сторон, избежать шаблонов, когда суетятся и бесконечно стреляют непобедимые штирлицы и самовлюбленные джеймсы бонды. В книге показаны живые солдаты невидимого фронта с обеих сторон, которые вербуют, любят и тоскуют. Советский гражданин за границей имеет ребенка от иностранки и становится жертвой схватки враждующих разведок; наш боевик ликвидирует врага народа, но впоследствии влюбляется, и переходит на сторону того самого ненавистного врага. Турецкого посла, как Лаокоона, опутывают сногшибательные бабы — подставы, но в результате все оборачивается весьма странным образом; английскому гею чрезвычайно везет в Москве: его обслуживают высшего класса гомосексуалисты из музыкальных кругов. В Париже наш незадачливый генерал не может установить контакт с загадочной американской агентессой, она возникает и исчезает как фата-моргана; в Египте жена атташе проникается нежностью к датскому догу, начинается борьба секретных служб, и все кончается трагедией. В гостинице «Метрополь» бурно соблазняют американку, в Хабаровске оперативник по-настоящему дружит с японским агентом, в Москве англичанин женится на русской уборщице, оба соглашаются на вербовку органов, но... Нарисованы портреты различных агентов: хитроумных подстав контрразведки противника, агентов, преданных до конца, агентов сомневающихся и мятущихся.

Разведка — это искусство, а не наука (да простят меня ломоносовы и галилеи спецслужб), главное в этом деле не

Предисловие

только голова, но и личные качества, воля, целеустремленность, смелость и, пардон, нахальство. Всякие теоретические обобщения весьма относительны, как учил нас мудрый Гёте: «Суха, мой друг, теория везде. Но древо жизни пышно зеленеет». Посему изучение бесконечно разнообразных историй из практики разведки и контрразведки может заменить целый год выслушивания унылых лекций на каких-нибудь заочных курсах.

В дорогу по страницам, дорогой читатель!

Автор

ЛОНДОНСКИЙ НОКТЮРН

Да, Лондон малость чересчур для нас.
Не то что я хочу вас этим обидеть —
Просто мы тут сошли бы с ума.

Т. С. Элиот

Когда в посольстве СССР, что на Кенсингтон Пэлэс-гарденс, затаившейся близ Кенсингтонского дворца улице миллионеров, проходило партийное собрание, в русском отделе британской контрразведки — МИ-5 — наступал истинный праздник. Уже за неделю об этом событии становилось известно контрразведке, именовали его не иначе как «профсоюзным» — ведь большевистский ЦК еще с коминтерновских времен повелел конспирироваться, опасаясь, что англичане поставят комячейку в посольстве вне закона. Но хотя многие хохотали над архаичностью «профсоюзной» вывески, поднять руку на нее никто не смел: в Москве еще живы были зубы, стоявшие у истоков этой глубокой зашифровки.

Трансляция собрания в скромное здание МИ-5 недалеко от вокзала Виктория проходила через искусно заделанные в зале посольства микрофоны (операцию провели много лет назад через русскую агентессу-уборщицу), до сих пор не обнаруженные советской службой безопасности, лайв шоу через мониторы поступало прямо в кабинет, где для пущей фееричности на табло высвечивались фотографии выступавших и их краткие биографии. Все это создавало сочный спектакль, дававший фору любой комедии Уэст-Энда, и поте-

шало не только обитателей кабинета — Джорджа Листера, Джеймса Барри и Вивьена Колина, но и других рыцарей русского отдела, не упускавших случая, чтобы заглянуть в кабинет и выпить заодно чаю, приготовленного добросердечной во всех отношениях секретаршей Молли. И даже сам начальник отдела легендарный Питер Дженкинс, всю жизнь посвятивший беззаветной борьбе с коварными русскими, иногда являл свою персону подчиненным, устроившись скромно в уголке на стуле. Присутствие шефа вносило некоторое оцепенение в ряды зрителей, любивших крепкие шутки в адрес выступавших.

К самому началу собрания народ обычно стягивался вяло, зная косноязычность секретаря партийной организации Переверзева, который говорил медленно, бесконечно повторялся и такого тянул кота за хвост, что страшно сказать. Однако в этот день посещаемость была выше обычной.

— Всё ли мы сделали для улучшения англо-советских отношений? — риторически вопрошал Переверзев, протыкая указательным пальцем воздух. — Нет, товарищи, далеко не всё! Конечно, посольство поработало в этом плане неплохо, однако впереди еще много важных проблем, которые требуется разрешить (тут его завертела пучина слов, из которой не выбраться).

— Ну и наглец! — хмыкнул розовощекий Джордж, попутно прихлопнув муху, уже давно парившую над его головой, — он слыл не только закаленным борцом с русскими, но и убийцей любого вида насекомых, которых он выискивал в самых невероятных местах. — Подумать только: болтать об англо-советской дружбе и в то же время под завязку забить и посольство, и все другие советские учреждения сотрудниками КГБ и ГРУ!

Тезис о постоянном наращивании советской разведывательной мощи в Англии, о том, что «они здесь, словно тара-

каны», несомненно, можно отнести к самому популярному в русском отделе, возмущение обычно сопровождалось сетованиями по поводу скупости парламента, экономившего каждый пенс на святое дело безопасности, в том числе и на контрразведку.

— Наши бездельники из английской разведки МИ-6 тоже в Москве говорят о дружбе, — отозвался Джеймс, отразив в этой короткой реплике глубинные противоречия между МИ-5 и МИ-6. — Правда, совершенно непонятно, зачем разыгрывать спектакль друг перед другом?

— Русские патологически конспиративны и всегда исходят из того, что их подслушивают. Тем более что собрание проходит в незащищенном помещении, где запрещено говорить на секретные темы, — пояснил Джордж. В разведшколе славянскую душу изучали досконально и знали, что кроме всего прочего она недолюбливает иностранцев, отличается беспечностью, разгильдяйством и непонятными метаниями из одной крайности в другую, склонна к беспредельному пьянству и удручающей прямолинейности.

— Может, они просто знают, что у нас там «жучки»? — заметил Джеймс.

— Исключено. Они бы сразу их изъяли.

Джеймс промолчал и подумал, что это совсем не обязательно — ведь можно исходить из презумпции, что вместо старых «жучков» поставят новые. Так не лучше ли жить со старыми и хорошо известными?

Между тем Переверзев снял очки, что указывало на переход от рутинного толчения воды в ступе к душевным откровениям, и внимательно осмотрел зал подслеповатыми глазами. Зал тут же притих и даже замер.

— А теперь, товарищи, я хотел бы затронуть проблему коньяка...

Тут Джордж издал радостный вопль и несколько раз ударил кулаком по стене. Кабинет тут же стал наполняться сотрудниками, и появился даже сам шеф, не пожелавший присесть и прислонившийся к стене у дверей, засунув руки в штаны из бежевого кавалерийского габардина.

— Вам известно, что произошло большое несчастье, — продолжал Переверзев, — большая беда для нашего государства: по вине московской внешнеторговой организации, пренебрегшей консультациями с нашими посольством и торгпредством, в Англию ввезли для продажи большую партию армянского коньяка, снабдив не этикеткой «бренди», а этикеткой «коньяк».

Он помолчал, ожидая реакции зала, но ее не последовало: никто ничего не понял.

— Коньяк является исключительной монополией французов, и использование этого названия противоречит международному праву. Посоветовавшись с Москвой, — тут Переверзев сделал многозначительный акцент, будто он советовался не меньше чем с генеральным секретарем, — мы приняли решение не вывозить груз обратно, неся новые расходы, а реализовать его внутри советской колонии по доступной цене, то есть по два фунта за бутылку. И вот итог: должен вас поздравить, товарищи, — Переверзев не был совсем лишен чувства юмора, — партия коньяка была реализована в рекордно короткий срок: одна неделя! Уверяю вас, что англичанам на это дело потребовался бы по крайней мере год.

В зале посольства и в кабинете МИ-5 одновременно раздался дружный хохот, словно наступило единение врагов и все радовались этому великому событию.

— Но это предыстория. Смысл моего выступления сводится к тому, что пустые бутылки валяются не только рядом с королевским дворцом здесь на Кенсингтон Пэлэс-гарденс,

но даже в пригородном Кью-гарденс, — строго завершил свой спич Переверзев. — Спасибо за внимание.

По залу пробежал блудливый шепоток, народ пересматривался и перемигивался, словно банда преступников, связанных одною веревкою: коньяк прошел через желудки всех присутствующих, кроме, пожалуй, первого секретаря Пурникова, человека на редкость интеллигентного и, видимо, потому терявшего контроль после даже малой рюмки. Язвительный, как и все непьющие, Пурников подумал, что бутылками забросаны не только Кью-гарденс, но и почтенный Риджент-парк с оленями и гольфовыми площадками, и, уж конечно, королевский Виндзор, куда обожали выезжать на пикники.

— Кажется, я видел пустую бутылку в урне рядом с входом в нашу фирму, — попытался пошутить обычно молчаливый юный Вивиан, поступивший в русский отдел лишь два года назад, сразу после Оксфорда, однако на его остроту никто не отреагировал (если бы это изрек Питер Дженкинс, комната обрушилась бы от хохота). Тем временем наступившая пауза сменилась прениями.

— Слово предоставляется товарищу Ирине Воробьевой! — объявил председательствующий.

На трибуне появилась полная дама лет сорока с твердыми чертами лица, волевым подбородком и благородно длинным носом, под которым чернели растопыренные в разные стороны усики, причем изрядно помятые, словно по ним проехал пылесос.

— Я сама армянка, товарищи, моя девичья фамилия Акопян, и потому мне особенно больно за армянский коньяк. Распродажа его по дешевым ценам нашим сотрудникам была глубоко гуманным актом руководства посольства и профорганизации (она сделала паузу и тепло посмотрела и на посла, и на Переверзева, сидевших в президиуме), и тогда, конечно,

никто не подозревал, что найдутся безответственные товарищи, которые будут разбрасывать по всему Лондону пустые бутылки с надписью «Сделано в СССР». Что подумают о нас англичане? Неужели те, кто бросал пустые бутылки, не понимали, что бросают тень на свою Родину? Казалось бы, это мелкий вопрос, но одна такая пустая бутылка сводит на нет наши усилия по укреплению англо-советской дружбы. Не подумайте, что я аскет, товарищи, я сама иногда выпиваю (смех в обоих помещениях), но не забывайте: вы — в капиталистической Англии с вековыми предрассудками, где даже в паб не пустят с собственной бутылкой!

Джордж воздел руки к небу, аудитория завывала от восторга, а Питер Дженкинс вынул платок из штанин, где покоилась его рука, и промокнул капельку у глаза. Тема пустых бутылок обсуждалась живо, диапазон выступлений колебался от мрачно осуждающих до гнусно ерничающих, злобствующий Пурников даже предложил резолюцию, обязывающую профбюро торгпредства впредь контролировать подобные распродажи. Но наступал уик-энд с его загородными поездками и дружескими застольями. Засиживаться никому не хотелось, и все разбежались по своим норам.

В субботу Игорь Воробьев, взяв жену Ирину и десятилетнего сына, устремил свою «Волгу» к галерее Тейт. Игорь считал своим долгом самообразовываться и соответственно приобщать к культуре жену и сына. Тейт он ставил на первое место по сравнению с Национальной и Портретной галереями, хотя больше всего предпочитал небольшие музеи вроде Коннот, Уоллес или Кенвуд в диком парке Хемстед-Хит.

— Честно говоря, меня мутит от этого модерна, — говорила Ирина. — Не зря Хрущев дал по одному месту нашим абстракционистам — такое и осел может намалевать своим хвостом! Лучше лишний раз взглянуть на ахматовскую мозаи-

